Книгоиздательство „Новое Товарищество".

Викторъ Черновъ.

МОНИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ ВЪ ПСИХОЛОГІИ И СОЦІОЛОГІИ.

Цѣна 12 коп.

МОСКВА.
Типографія Ф. Я. Бурче, Кудринская пл., д. Курносовыхъ.
1906 г.

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 12. **Телеф. № 120—20.**

В. Черновъ. Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. Второе изданіе. **12** коп.

С. Закъ. Земля и капитализмъ. Второе изданіе. **25** коп.

Н. Черненковъ. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. (Распродано). **80** коп.

И. Гильдебрандъ. Фома Мюнцеръ. **20** коп.

Ф. Бейерлейнъ. Вечерняя зоря. **35** коп.

Ф. Гардинсъ. Почему я соціалистъ? **4** коп.

Библіотека подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

С. Ан—скій. Крест. вопросъ во Франціи. 2-е изд. **7** коп.

В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. **20** к.

В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. **25** к.

В. Черновъ. Крест. и рабоч. какъ экономич. кат. 3-е изд. 15 к.

А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе соціаль-демократы „Деревенской бѣднотѣ“. Второе изданіе. **10** коп.

Л. Какъ крестьянамъ дали волю. **4** коп.

Книгоиздательство „ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“.

Л. Шишко. Разсказы изъ Рус. Ист. въ 2 ч. **22** к. (Распр.).

О налогахъ. **3** к. (Распр.).

Мироновъ. Солдатскій подвигъ. **3** к. (Распр.).

Бесѣды о землѣ. **2** к. (Распр.).

Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крестьянство и земельный вопросъ. **3** к. (Распр.).

Протоколы учредительнаго съѣзда Всероссійскаго Крестьянскаго союза. **10** к.

Новоторжскій. Что такое правовое государство. **10** к.

В. Черновъ. Памяти Н. К. Михайловскаго. **25** к.

С. П. Швецовъ. Крестьянская община, схема ея возникновія и развитія. **5** коп.

Книгоиздательство Н. Ѳ. НОВОЖИЛОВА.

Проектъ основного закона о землѣ. **6** к.

Книгоиздательство „СѢЯТЕЛЬ“.

В. Черновъ. Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ. **20** к.

Вандервельде. Идеал. въ маркс., съ пред. В. Чернова. **15** к.

Ламенне. Современное рабство. **8** к.

Цаденъ. Рабочій день и вырожденіе. **9** к.

Новый пѣсенникъ. **4** к.

Книгоиздательство „НАРОДНАЯ МЫСЛЬ“.

Москва, Моховая, д. Баженова. **Телеф. № 109—31.**

П. Лавровъ. Кому принадлежитъ будущее. **30** коп.

А. Бахъ. Экономическіе очерки. **10** коп.

Танъ. Новое крестьянство. **20** коп.

Книгоиздательство „Новое Товарищество".

Викторъ Черновъ.

МОНИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ ВЪ ПСИХОЛОГІИ И СОЦІОЛОГІИ.

Цѣна 12 коп.

МОСКВА.
Типографія Ф. Я. Бурче, Кудринская пл., д. Курносовыхъ.
1906 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
850
31

Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи.

I.

Что значитъ построить научно исторію? Вотъ вопросъ, который еще до сихъ поръ не рѣшенъ для большинства изслѣдователей. Всѣ согласны, что исторія не должна оставаться какимъ-то пестрымъ калейдоскопомъ событій, совершенно различныхъ по своему характеру и значенію. Всѣ смутно стремятся внести порядокъ и единство въ хаосъ разнородныхъ величинъ, найти что-то такое, что могло бы служить, такъ сказать, общимъ знаменателемъ для всѣхъ историческихъ явленій. Гдѣ, въ какихъ сферахъ и какъ его искать—объ этомъ всякій судитъ по своему, но всѣ—или по крайней мѣрѣ, большинство—сходятся, какъ будто, въ одномъ: главной задачей общественной науки является отысканіе „сущности“ или „основы“ историческаго процесса, т.-е. такого элемента, который бы, развиваясь исключительно въ силу внутренно-присущихъ („имманентныхъ“) условій и законовъ, опредѣлялъ своимъ саморазвитіемъ движенія и измѣненія во всѣхъ другихъ сферахъ, во всѣхъ другихъ сторонахъ общественной жизни.

Одинъ изслѣдователь полагаетъ, что нашелъ эту „первопричину“ соціальнаго развитія въ умственномъ развитіи, въ прогрессѣ идей; другой, наоборотъ, считаетъ идеи лишь симптомами событій, а видитъ фундаментъ всѣхъ соціальныхъ явленій въ развитіи формъ производства или производительныхъ силъ; третій выдвигаетъ на первый планъ значеніе политики и права. Эклектики выступаютъ съ новой теоріей, желая примирить всѣхъ: они признаютъ самостоятельное значеніе и за идеологическимъ развитіемъ общества, и за матеріальнымъ прогрессомъ, и за общественнымъ законодательствомъ, развитіемъ права. Въ ихъ глазахъ исторія есть результатъ взаимодѣйствія этихъ самостоятельныхъ, но вліяющихъ другъ на друга и зависящихъ другъ отъ друга факторовъ. Наконецъ, выступаетъ еще четвертая теорія, просто отрицающая самостоятельность какого бы то ни было изъ этихъ трехъ „факторовъ“ и принимающая ихъ за пустыя абстракціи или лишь за различныя стороны нераздѣльнаго процесса соціальнаго развитія; три стороны, лишь мысленно расчленяемыя, открывающіяся наблюденію съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. И эта теорія—тоже носитъ характеръ *монизма*.

Къ единству, къ монизму, къ цѣльному взгляду на исторію стремятся многіе: но понимаютъ монистическій принципъ очень и очень не одинаково. Самыя различныя, даже діаметрально-противоположныя направленія выступаютъ подъ однимъ и тѣмъ же флагомъ монизма. Это, конечно, указываетъ на зачаточное состояніе исторической науки, на переживаемый ею періодъ эмбріологіи.

Что же такое истинный монизмъ?

Чтобы пролить свѣтъ на значеніе философскаго принципа *монизма* въ области научнаго пониманія общественныхъ явленій, мы считаемъ полезнымъ сначала прослѣдить судьбу этого принципа, его постепенное выясненіе и детальную выработку въ области вопросовъ менѣе сложныхъ, въ наукѣ болѣе общей и простой—индивидуальной психологіи. Крайнее разнообразіе явленій и состояній душевной жизни въ свое время не менѣе, чѣмъ калейдоскопичность зрѣлища, представляемаго всемірной исторіей, служило препятствіемъ къ выработкѣ цѣлостнаго научнаго взгляда. Постепенно начали являться и здѣсь попытки ориентироваться среди явленій, раздѣлить ихъ на болѣе и менѣе элементарныя, на простыя и сложныя, первичныя, основныя и вторичныя, производныя.

И вотъ, подобно тому, какъ въ соціологіи одни историки сводили все на идеи, другіе—на матеріальные, экономическіе факты, третьи—на юридическіе и политическіе,—такъ и въ области психологіи изслѣдователи сводили всѣ душевныя движенія, всѣ аффекты и страсти, всѣ желанія и стремленія, всѣ самыя сложныя идеи и высшія побужденія на гипотетическіе элементы и первоисточники. Одни искали этихъ первоисточниковъ въ области ума, разсудка, другіе—въ области субъективнаго внутренняго чувства, третьи—въ побужденіяхъ воли и въ инстинктахъ. Такимъ образомъ получились три школы: интеллектуалисты, волюнтаристы и—скажемъ хоть—сенсуалисты*).

Интеллектуалистическое направленіе въ психологіи имѣетъ своимъ типичнымъ выразителемъ Гербарта и его школу. По этому воззрѣнію, какъ мѣтко и сжато характеризуетъ его Паульсенъ, „представленіе есть первая и собственно характеристическая функція души; чувство и желаніе, напротивъ того, являются, какъ нѣчто случайное и вторичное, встрѣчающееся тамъ и сямъ, какъ побочное *дѣйствіе* хода представленій". Психологія Гербарта „представляетъ собою попытку вывести всѣ явленія сознанія изъ представленій и ихъ отношеній. Представленія являются для него первичными элементами духовной жизни; они подобно элементамъ тѣлеснаго міра, устойчивы, взаимно притягиваются и отталкиваются, тѣснятъ другъ друга и соединяются между собой. Задача психологіи

*) Собственно говоря, термины „сенсуализмъ", „сенсуалисты", принадлежатъ къ области теоріи познанія, гдѣ имѣютъ вполнѣ опредѣленный, обычный смыслъ. Наше словоупотребленіе есть нѣкоторая вольность. Но разъ называютъ интеллектуалистами сводящихъ всю душевную жизнь къ игрѣ представленій и волюнтаристами-сводящихъ ее къ волевымъ импульсамъ, то терминъ „сенсуализмъ" самъ напрашивается для обозначенія тѣхъ, кто ищетъ первичныхъ душевныхъ явленій въ области чувствованій (sensus).

состоитъ для него въ томъ, чтобы формулировать законы движенія представленій и объяснить изъ нихъ всѣ остальныя явленія" *).

Рибо („Психологія чувствованій") также считаетъ особенно характерною чертой этого направленія то, что для него аффективныя состоянія въ ряду душевныхъ явленій представляютъ факты „вторичные, производные": они „представляютъ изъ себя лишь качества, виды или функціи познанія: они обязаны своимъ существованіемъ лишь мысли, и сами—ничто иное, какъ „смутное пониманіе". „Чувствованіе—лишь слѣдствіе существованія въ душѣ одного человѣка сливающихся или взаимно исключающихъ идей... Но самого по себѣ чувствованія не существуетъ: подобно гармоніи и диссонансу въ музыкѣ, оно отличается отъ простыхъ звуковъ, хотя благодаря имъ только и существуетъ" **).

Напротивъ того, для типичнаго представителя психологическаго сенсуализма, Ад. Горвича, „чувствительность есть дѣятельность въ своей наиболѣе простой, наиболѣе элементарной, наиболѣе общей психической формѣ, и эта дѣятельность—исходный пунктъ всѣхъ остальныхъ психическихъ процессовъ". Къ чувствованіямъ онъ сводитъ и умъ, и волю. „Всякое представленіе было первоначально чувствованіемъ: вообще чувствованіе для Горвича—первоначальный психическій фактъ", говоритъ Рибо ***). То же и относительно волевыхъ актовъ. Какъ ни велика для общепринятаго мнѣнія ихъ зависимость отъ представленій, т.-е. разсудочнаго элемента, но на самомъ дѣлѣ безусловно рѣшающая роль принадлежитъ опять-таки чувству. „Это весьма различныя вещи—имѣть теоретическое знаніе и поступать согласно съ нимъ... Необходимъ посредствующій факторъ, который бы обратилъ знаніе въ желаніе, какъ діастазъ обращаетъ крахмалъ въ сахаръ. Посредникъ этотъ—чувствованіе".

„Въ новѣйшее время—говоритъ по поводу Горвича Г. Гефдингъ, —дѣлались попытки видѣть въ чувствованіи первичную форму сознанія, такъ что на низшей ступени сознательная жизнь должна бы являться только жизнью чувства, а другіе элементы развились лишь мало по малу..." „Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики прежде всего потому, что воспоминаніе обнаруживается уже тамъ, гдѣ продолжается состояніе удовольствія и неудовольствія, а оно должно продолжаться, чтобы его можно было почувствовать какъ слѣдуетъ; какъ только же наступитъ колебаніе—чувства же по своей интенсивности всегда подвержены колебаніямъ,—то непременно проявится невольное сравненіе. Слѣдовательно, тутъ же есть элементы познанія... Такъ что познаніе не образуется путемъ какого то generatio aequivoca (самопроизвольнаго зарожденія, изъ совершенно безформенныхъ и слѣпыхъ состояній чувствъ" ****).

---

*) Фр. Паульсенъ, „Введеніе въ философію", стр. 115—116.

**) Рибо, „Психологія чувствованій", введеніе, стр. 2—3.

***) „Современная германская психологія", 259—263. Тотъ же взглядъ, какъ видно изъ этого соч., горячо защищаетъ дарвинистъ—Шнейдеръ, I. c. 268.

****) Гефдингъ, „Очерки психологіи, основанной на опытѣ", стр. 38. См. также далѣе стр. 39.

Изъ видныхъ психологовъ нашего времени особенно многіе тяготѣютъ къ волюнтаризму. Поэтому намъ придется остановиться на немъ нѣсколько дольше, хотя въ задачу настоящей статьи вовсе не входитъ подробный разборъ всѣхъ этихъ взаимно исключающихся и противоположныхъ направленій. Мы удѣляемъ больше мѣста волюнтаризму лишь какъ теоріи, занимающей болѣе сильную позицію и имѣющей болѣе авторитетныхъ защитниковъ.

Уже цитированный нами Рибо, напримѣръ, сводитъ самыя чувствованія на волю. „Во всѣхъ аффективныхъ проявленіяхъ,—говоритъ онъ,—существуетъ два элемента: двигательныя состоянія или стремленія, которыя являются первичными, и состоянія пріятныя и непріятныя, которыя являются вторичными". „То, что мы называемъ пріятными или непріятными состояніями, представляетъ лишь внѣшнюю сторону аффективной жизни, внутреннее содержаніе которой составляютъ проявляющіяся въ движеніяхъ стремленія, влеченія, потребности, желанія... Говорятъ, что чувствительность есть способность ощущать удовольствіе и страданіе. Я бы сказалъ: это есть способность стремиться или желать, и *вслѣдствіе этого* (курсивъ подлинника) испытывать удовольствіе или страданіе". „Пріятныя и непріятныя состоянія суть только признаки или показатели: удовольствія и страданія суть только *послѣдствія*, которыя должны привести насъ къ розысканію и опредѣленію причинъ, таящихся въ области инстинктовъ, подобно тому, какъ симптомы болѣзни указываютъ намъ только существованіе болѣзни, а не ея сущность"...*).

Наиболѣе ярые волюнтаристы доходятъ до того, что съ распростертыми объятіями встрѣчаютъ даже метафизику Шопенгауэра. Въ самомъ дѣлѣ, психологическій волюнтаризмъ получаетъ прочное общефилософское основаніе въ признаніи „тождества сущности всякой стремящейся и дѣйствующей силы въ природѣ съ волею" **). Всякій болѣе крайній и послѣдовательный волюнтаристъ, желая поставить волю независимой отъ сознанія, представленія и мысли, долженъ до нельзя расширить смыслъ понятія „воли", доводя ее до темной области инстинктивныхъ и непроизвольныхъ движеній. Только въ такомъ случаѣ и мысль, и сознательная чувствительность можетъ быть выведена изъ воли, какъ изъ первоисточника. Но что же такое философія Шопенгауэра, какъ не чудовищное расширеніе понятія „воли"? Шопенгауэръ также начинаетъ съ инстинкта, указывая на факты, что „годовалая птица не имѣетъ понятія о яйцахъ, для которыхъ вьетъ гнѣздо... личинка жука—оленя прогрызаетъ въ деревѣ дыру, для своего превращенія, вдвое длиннѣй, когда ей предстоитъ быть самцомъ, чѣмъ когда ей быть самкой, чтобы въ первомъ случаѣ приготовить мѣсто для роговъ, о которыхъ она еще не имѣетъ представленія". Изъ этихъ-то фактовъ, въ примѣненіи къ которымъ слишкомъ смѣло говорить о такихъ сложныхъ, дифференцированныхъ явленіяхъ духа, какъ умъ, чувство, воля,—Шопенгауэръ вы-

*) Рибо, „Психологія чувствованій", стр. 6 — 7. Ср. его же — L'hérédité, 1873, p. 116; „Псих. чувств." 474 — 477.

**) „Міръ, какъ воля и представленіе", пер. А. Фета, стр. 132.

водитъ драгоцѣнное положеніе — палладіумъ волюнтаризма — что „представленіе въ качествѣ мотива не составляетъ необходимаго и существеннаго условія дѣятельности воли“ *).

Шопенгауэръ только съ неумолимой послѣдовательностью идетъ еще дальше, не страшась дѣлать всѣ логическія послѣдствія своихъ мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, если усматривать „волю“ въ инстинктивныхъ движеніяхъ гусеницы, то почему отрицать ее въ движеніяхъ растенія, и даже, наконецъ, въ обыкновеннѣйшихъ физическихъ явленіяхъ? Шопенгауэръ такъ и дѣлаетъ.

Столь же ярый волюнтаристъ, какъ Рибо, философъ-поэтъ Фр. Паульсенъ рѣшительно указываетъ на Шопенгауэра, какъ на „главу“ того направленія въ психологіи, которое разсматриваетъ волю, „какъ первичную и основную сторону душевной жизни, умъ же, напротивъ, какъ вторичное развитіе“ („Введеніе въ философію“, пер. Титовскаго, стр. 116). Новѣйшая психологія, по его мнѣнію, „все болѣе и болѣе приблизилась ко взгляду Шопенгауэра“ (ibid). Ad majorem magistri gloriam Паульсенъ зачисляетъ въ ряды послѣдователей этого послѣдняго даже В. Вундта, который обѣими руками открещивается отъ всякаго родства съ Шопенгауэровской философіей. У Шопенгауэра оказывается „поразительная сила яснаго и глубоко проникающаго созерцанія“; вторая часть его труда „Міръ какъ воля“ есть „геніальная интуиція“.

Роль ума, по мнѣнію Паульсена, „второстепенна въ сравненіи съ волею“ (то же соч., 117). „Воля есть первоначальный и въ извѣстномъ смыслѣ постоянный факторъ душевной жизни... Умъ есть вторичный и перемѣнчивый факторъ, присоединяющійся къ волѣ, какъ органъ“ (ib., 118—119).

Краснорѣчиво и увлекательно доказываетъ Паульсенъ значеніе и преобладаніе воли. „Воля господствуетъ надъ воспріятіемъ, опредѣляя вниманіе: она дѣлаетъ выборъ между раздраженіями, которыя возбуждаютъ ощущенія и чувства безъ всякаго различія; въ сознаніе проникаетъ только то, или главнымъ образомъ то, что стоитъ въ дружественномъ или враждебномъ отношеніи къ нашимъ цѣлямъ и задачамъ. Воля господствуетъ надъ памятью; мы забываемъ то, что насъ болѣе не касается, мы удерживаемъ то, что представляетъ для воли продолжительную важность. Воля господствуетъ надъ ходомъ представленій; наши мысли постоянно тяготѣютъ по направленію къ наличному центру тяжести нашихъ интересовъ; мы думаемъ о томъ, что намъ мило и дорого, или ненавистно и опасно. Воля постоянно вліяетъ на сужденіе, она опредѣляетъ вѣсъ и значеніе вещей и явленій, основаній и доказательствъ... разъ интересъ или наклонность рѣшили, тотчасъ же находятся основанія, оправдывающія это рѣшеніе... Отсюда ясно, какое рѣшающее вліяніе оказываетъ воля при построеніи всего міросозерцанія...“ (ib. 121—122).

Все это цитированное мѣсто очень рельефно рисуетъ важное значеніе воли въ человѣческой жизни. Врядъ ли, однако, оно способно

*) (Ibid, стр. 136.

прояснить взглядъ человѣка на природу души, ея структуру и законы ея постепеннаго развитія отъ низшихъ ступеней къ высшимъ. Все это болѣе краснорѣчиво, чѣмъ убѣдительно, болѣе увлекательно, чѣмъ научно.

Итакъ, мы имѣемъ три взаимно другъ друга исключающихъ теоріи, одинаково тяготѣющихъ къ монизму. „Со временъ Канта—говоритъ Гефдингъ*)—дѣлались попытки свести всѣ проявленія сознанія къ одному роду элементовъ. Эти попытки не удались...“ Поэтому вполнѣ естественнымъ было появленіе эклектической школы, пытавшейся примирить всѣ эти направленія и смотрѣть на умъ, чувство и волю, какъ на „самостоятельныя, обособленныя части или способности души“. Гефдингъ справедливо видитъ въ этой эклектической теоріи худшій видъ психологической метафизики. „Кромѣ разлада, внесеннаго такимъ образомъ въ различныя части или способности душевной жизни,—разлада, опровергаемаго безусловнымъ единствомъ сознательной жизни, безъ котораго нельзя было бы чувствовать и сознавать какъ разъ самыхъ рѣзкихъ противоположностей,—приверженцы этого взгляда не избѣгли иллюзіи, будто свести на различныя „способности“ значитъ объяснить душевныя явленія, —будто, напримѣръ, познаніе и чувствованіе каждое само по себѣ, легче понять, если принять особую познавательную и особую чувственную способность“ **). Соединяя въ себѣ, такимъ образомъ, недостатки всѣхъ попытокъ свести къ одному изъ трехъ началъ два другихъ, эта теорія не обладала и ихъ достоинствами, потому что вмѣсто единства, монизма, водворяла путаницу „взаимодѣйствія“, не открывая ни генезиса взаимодѣйствующихъ элементовъ, ни законовъ ихъ взаимодѣйствія. Такимъ образомъ, теорія „взаимодѣйствія“ трехъ „факторовъ“, „самостоятельныхъ, хотя и независимыхъ“, сводилась просто къ безсодержательному эклектизму. Но именно поэтому она и стала ходячимъ представленіемъ, именно поэтому она и вошла въ школьные учебники. Тройственное дѣленіе способностей духа сдѣлалось традиціоннымъ.

Однако, психологическая мысль не могла надолго застыть на этой „золотой серединѣ“, съ которою такъ легко примирилась академическая схоластика. Первые удары ей были нанесены съ той стороны, откуда трудно было ожидать. Явились психологи, недовольные именно *трехчастнымъ* дѣленіемъ способности души.

Съ одной стороны, выступилъ проектъ новаго, *четырехчастнаго* дѣленія. У насъ сторонникомъ его выступалъ г. Н. Гротъ, доказывавшій, что въ общее понятіе „воли“ психологія включаетъ слишкомъ разнородные элементы—вмѣстѣ съ сознательною волею, нераздѣльной съ выборомъ, сравненіемъ, и слѣпыя органическія побужденія. По мнѣнію г. Грота, послѣднія представляютъ особый элементъ, нуждающійся въ особой рубрикѣ. Въ подтвержденіе этой мысли онъ ссылался изъ иностранныхъ психологовъ на Шнейдера,

*) „Очерки психологіи, основанной на опытѣ“, стр. 90 — 91.
**) I. c. 89—90.

выдѣлявшаго изъ общей совокупности психическихъ явленій животную волю—der thierische Wille.

Съ другой стороны, явились сторонники только двухчастнаго дѣленія. Изъ чистыхъ психологовъ спеціалистовъ мы сюда отнесемъ Вундта, изъ философовъ Л. Уорда.

Л. Уордъ не спеціалистъ въ психологіи. Этимъ отчасти слѣдуетъ объяснить нѣкоторую туманность и спутанность его воззрѣній на различныя стороны духа. Онъ то тяготѣетъ къ Шопенгауэру съ его „приматомъ воли„ *) то, какъ пстый сенсуалистъ, утверждаетъ, что „двигательный импульсъ слѣдуетъ за чувственнымъ впечатлѣніемъ, какъ слѣдствіе за причиной" **). Впрочемъ онъ не видитъ существенной разницы между чувствованіемъ и волею, относя ту и другую въ сферу „субъективной психологіи", въ противоположность воспріятіямъ внѣшняго міра, представленіямъ, понятіямъ, умозаключеніемъ, составляющимъ область „объективной психологіи". Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія „двойственной природы" духа: пассивной, воспринимающей, и активной, реагирующей. Къ послѣдней относятся волевые акты наравнѣ съ чувствительными: они едино суть. „Каждая эмоція принадлежитъ къ этой способности и является частью могучаго потока страсти, двигающаго корабль чувствующей жизни... Съ одной стороны, мы имѣемъ приманки, очарованія, обольщенія, и увлеченія, надежды, стремленія и мечты: съ другой стороны— страхъ, ужасъ, отвращеніе, ненависть, зависть, соперничество, ревность, злобу, ярость, бѣшенство и отчаяніе. Въ этомъ направленіи мы видимъ горе, заботу, грусть, раскаяніе, угрызеніе, являющіяся выраженіемъ недостигнутаго, неудавшагося или безвозвратно утраченнаго... Эти чувствительныя явленія духа такъ сложны и измѣнчивы, что неудивительно, если общая связь между ними обыкновенно теряется изъ виду и поэтому игнорируется общая истина, что всѣ они представляютъ собою одно явленіе" ***) Л. Уордъ даже изобрѣтаетъ для него новый терминъ—„конація", „конативная способность" (лат. conatio).

Еще далѣе пошелъ Вундтъ, котораго обыкновенно ошибочно причисляютъ къ волюнтаристамъ. Правда, онъ такъ самъ себя называетъ, но нетрудно убѣдиться, что онъ подъ волюнтаризмомъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ Рибо и Паульсенъ. Тогда какъ послѣдніе чувствуютъ большую слабость къ Шопенгауэру, Вундтъ дѣлаетъ прежде всего весьма характерную оговорку: „если то строго-эмпирическое направленіе, принципы котораго излагаются мною, можно назвать „волюнтаристическимъ", то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что этотъ психологическій волюнтаризмъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ какимъ бы то ни было метафизическимъ

*) См. отзывы Уорда о Шопенгауэрѣ въ „Псих. факторахъ цивилизаціи", стр. 50, 52, 79, 81.

**) l. c. 27. Ср. также 30. Въ этихъ мѣстахъ Уордъ, по нашей терминологіи, является сенсуалистомъ.

***) l. c. 44. Мимоходомъ замѣтимъ, что и Паульсенъ тоже сторонникъ двухчастнаго дѣленія.

ученіемъ о волѣ,—въ частности, съ одностороннимъ метафизическимъ волюнтаризмомъ Шопенгауэра“ *). И въ другомъ мѣстѣ: „волюнтаристическая психологія ни въ коемъ случаѣ не считаетъ волю единственной реальной формой психической дѣятельности. Она утверждаетъ только, что *воля и тѣсно связанныя съ ней чувствованія и аффекты* представляютъ *столь же необходимую* составную часть психологическаго опыта, какъ ощущенія и представленіе“ **). Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ онъ еще разъ характеризуетъ свой „волюнтаризмъ“, какъ „направленіе, разсматривающее субъективныя движенія, какъ процессы, *равноправные* съ представленіями“.

До сихъ поръ мы видимъ только то, что уже видѣли у Л. Уорда: соединеніе въ одну рубрику „субъективныхъ процессовъ духа“, взглядъ на волю и чувства, какъ на нѣчто единое, тѣсно связанное между собою. Но далѣе Вундтъ дѣлаетъ крупный шагъ впередъ. Споры о двухчастномъ, трехчастномъ и четырехчастномъ дѣленіи элементовъ души должны были логически привести къ сознанію условнаго, чисто-отвлеченнаго характера подобныхъ классификацій и разграниченій. Споры эти подкопали правоспособность прежняго взгляда на умъ, чувство и волю, какъ на какіе-то самостоятельные „способности“, „силы“ или „факторы“. И вотъ, раздѣливъ элементы психическаго опыта, элементы духа на субъективные и объективные, Вундтъ говоритъ: „мы заранѣе оговариваемся, что всякій объектъ психическаго опыта, содержитъ въ себѣ одновременно факторы объективные и субъективные, при чемъ *реально они никогда не могутъ являться въ качествѣ раздѣльныхъ процессовъ, и различать ихъ можно только въ абстракціи*. Въ самомъ дѣлѣ, непосредственный опытъ показываетъ, что одинаково невозможно существованіе представленій, не возбуждающихъ въ насъ чувствованій и побужденій различной силы, какъ невозможно существованіе чувствованій и волевыхъ процессовъ, не связанныхъ съ представленіями о внѣшнихъ предметахъ“ (Очеркъ психологіи, стр. 10).

Болѣе подробное и рѣшительное развитіе этого взгляда находимъ у Гефдинга, вліяніе котораго на Вундта въ этомъ пунктѣ очевидно.

„Не всегда былъ ясенъ, пишетъ Гефдингъ, — отвлеченный характеръ психологическихъ подраздѣленій и понятій.... Упускался изъ виду—какъ это все еще дѣлается сплошь и рядомъ—чисто абстрактный характеръ такихъ разграниченій. Они указываютъ только на существованіе извѣстныхъ различій между извѣстными состояніями сознанія, но это не даетъ права заключить каждое изъ нихъ въ особую рубрику. Прежде всего надобно изслѣдовать, не находятся ли одни и тѣ же элементы во всѣхъ дѣйствительныхъ состояніяхъ сознанія, такъ что различія основываются лишь на преобладаніи извѣстныхъ элементовъ и на подчиненномъ значеніи другихъ. Итакъ, собственно говоря, группируются и подраздѣляются не сами явленія,

*) „Очеркъ психологіи“, пер. Г. А. Паперна, стр. 11.
**) l c., 9.

сознанія или состоянія его, а элементы, которые мы находимъ въ нихъ, при чемъ подъ *психологическими элементами* (курс. подлинника) мы понимаемъ *различныя стороны* (курсивъ нашъ) или свойства состояній сознанія или явленій его. Обособляя познаваніе и чувствованіе, мы имѣемъ въ виду только состоянія съ преобладающими элементами представленія въ противоположность состояніямъ съ преобладающими элементами чувствованія... Только этотъ взглядъ и выдерживаетъ критику, такъ какъ *нельзя указать ни на одно состояніе, которое вполнѣ было бы или чистымъ представленіемъ, или чувствованіемъ, или хотѣніемъ*"*).

Гефдингъ посвящаетъ много мѣста подробному развитію этой послѣдней мысли въ примѣненіи къ каждой изъ сторонъ человѣческаго духа въ отдѣльности. „Нѣтъ познанія безъ чувства", „нѣтъ познанія безъ воли", „нѣтъ чувства безъ познанія" и т. д.—таковы подзаголовки цѣлаго ряда параграфовъ его интересной книги. Къ ней мы и отсылаемъ всѣхъ, интересующихся подробностями этого важнаго положенія эмпирической психологіи.

Чтобы кончить нашъ бѣглый обзоръ историческихъ судебъ монистическаго принципа въ психологіи (собственно лишь въ той ея части, которая трактуетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между различными элементами духа), скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ новомъ свѣтѣ представляетъ точка зрѣнія Гефдинга исторію развитія психической жизни.

Разсматривая психическую жизнь въ статическомъ состояніи на высшихъ ступеняхъ ея развитія, можно, по мнѣнію Гефдинга, вполнѣ удовлетвориться трехчастнымъ дѣленіемъ способностей духа. Въ познаніи (ощущенія, представленія, мысли) человѣкъ является по отношенію къ міру, какъ пассивно-воспринимающее существо; въ актѣ воли—какъ активно-реагирующее; чувство представляетъ собою средній, промежуточный членъ, мостъ между этими двумя, противоположными по характеру, движеніями духа,—освѣщая, такъ сказать, извнутри потокъ ощущеній и представленій (какъ чисто-субъективное начало).

Но „хотя такимъ образомъ мы вправѣ при психологическомъ изслѣдованіи брать за основаніе трехчастное дѣленіе, но отсюда однако, не слѣдуетъ, что его нужно считать первичнымъ фактомъ. Въ нашей характеристикѣ сознательной жизни мы принимаемъ ее такъ, какъ она является на высшей ступени развитія, гдѣ она достигла извѣстной отчетливой формы. Мы не имѣемъ никакого права предполагать, чтобы тройственность элементовъ такъ же ясно выступала на низшихъ ступеняхъ развитія. Напротивъ, одинъ изъ общихъ законовъ развитія—тотъ, что неопредѣленное и однородное предшествуетъ опредѣленному и разнородному (законъ дифференціаціи). Такъ, напр., зародышъ организма представляетъ однообразную массу, гдѣ еще нельзя различить опредѣленнаго строенія. Если сознательная жизнь слѣдуетъ общимъ законамъ жизни и развитія,

*) Гефдингъ, „Очерки психологіи, основанной на опытѣ", стр. 90.

то мы должны ожидать, что три различныхъ рода элементовъ выступаютъ на низшихъ ступеняхъ не такъ отчетливо, какъ на высшихъ"*).

Нѣчто подобное мы встрѣтимъ и въ области соціологіи, хотя— это нужно здѣсь же оговорить—мы будемъ вести въ этой новой области совершенно самостоятельную аргументацію. Поэтому мы приглашаемъ читателей смотрѣть на предъидущее изложеніе отнюдь не какъ на „доказательство по аналогіи", ибо comparaison n' est pas raison. Все это изложеніе имѣетъ единственною цѣлью выяснить на примѣрѣ явленій сравнительно менѣе сложныхъ, сущность монистической точки зрѣнія, въ отличіе отъ точекъ зрѣнія дуалистической и эклектической, а также охарактеризовать различные виды или типы монистическихъ воззрѣній.

II.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ мы пришли.

Прежде всего умъ человѣческій началъ различать разныя свойства или стороны состояній сознанія. Но при этомъ онъ еще не разглядѣлъ, что эти стороны вовсе не самостоятельные, независимые другъ отъ друга и лишь совмѣстно дѣйствующіе процессы; что это лишь необходимые составные элементы каждаго состоянія сознанія и каждаго душевнаго движенія, расчленяемые лишь мысленно, въ абстракціи. Человѣческому уму вообще свойственно обманываться абстракціями и принимать ихъ за нѣчто реальное, совершенно позабывъ о томъ умственномъ процессѣ, который призвалъ ихъ къ жизни, и внѣ котораго онѣ—чистое ничто, безсодержательныя условности.

Изслѣдуя вещи и процессы съ разныхъ сторонъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія, мы открываемъ въ нихъ разныя свойства. Эти свойства мы обозначаемъ именами существительными, дѣлаемъ ихъ объектами, относимъ къ нимъ, какъ къ реальностямъ, разныя взаимоотношенія и постепенно, незамѣтно привыкаемъ приписывать имъ извѣстную самостоятельность.

Но такъ какъ всякій процессъ многостороненъ, то, обособляя различныя его стороны, мы въ сущности, дробимъ его, вносимъ въ него нѣкоторый разладъ, дисгармонію. Отсюда рождается проблема: привести къ одному знаменателю разнородные элементы процесса, найти ихъ связующую нить, словомъ—выработать цѣлостный, монистическій взглядъ.

И вотъ умъ человѣческій поочередно цѣпляется то за одинъ, то за другой элементъ, принимая его за основной факторъ и группируя возлѣ него остальные, какъ вторичные или производные.

*) Гефдингъ, цит. соч., стр. 91—92. Паульсенъ былъ на порогѣ къ вѣрному рѣшенію, говоря, что, „отдѣленіе другъ отъ друга чувствованія и хотѣнія представляетъ собой невозможную вещь. Только на высшей ступени развитія... происходитъ въ извѣстной степени отдѣленіе чувства отъ воли". Ему слѣдовало бы сдѣлать еще одинъ шагъ и признать такую же невозможность отдѣлить чувство и волю отъ ума.

Такимъ образомъ, различныя стороны процесса или свойства отдѣльныхъ его моментовъ, состояній превображаются въ самостоятельные факторы, источники процесса, его производящія силы.

Психологическій процессъ облеченія пустыхъ абстракцій въ жизненную плоть и кровь весьма удачно анализированъ Тэномъ въ его книгѣ „Объ умѣ и познаніи". Въ цѣломъ рядѣ примѣровъ, начиная съ самыхъ элементарнѣйшихъ, онъ показываетъ, какъ изъ простыхъ свойствъ и соотношеній вещей „мы дѣлаемъ, по нѣкоторой фикціи ума, субстанціи". Цѣпляясь за какую-нибудь сторону, за ту или другую особенность факта или процесса, „мы называемъ ее именемъ существительнымъ, силою или способностью: мы приписываемъ ей качества, говоримъ, что она бываетъ больше или меньше, употребляемъ ее въ разговорѣ, какъ подлежащее: мы забываемъ, что ея бытіе чисто словесное, что она получила его отъ насъ, что она обладаетъ имъ по заимствованію, временно, для удобства рѣчи и сама въ себѣ она есть лишь отношеніе, свойство... Обманутые языкомъ и привычкою, мы допускаемъ, что тутъ есть нѣкоторая реальная вещь, и, попавъ на ложную дорогу, увеличиваемъ на каждомъ шагу нашу ошибку". Эта мнимая реальность все растетъ и растетъ въ нашихъ глазахъ, превращаясь въ причину всякаго факта, всякаго событія. Въ самомъ дѣлѣ, „она пребываетъ, тогда какъ оно проходитъ: сколько бы оно ни повторялось и не измѣнялось, она все одна и та же: ее можно сравнивать съ неистощимымъ источникомъ, котораго событіе есть волна. Такимъ образомъ, на нее смотрятъ, какъ на сущность высшаго разряда, стоящую выше фактовъ... По этому образцу философы населяютъ міръ подобными сущностями. Между тѣмъ сама въ себѣ она есть ничто иное, какъ призракъ, свойство, особенность даннаго факта... Особенность, отдѣленная отъ него отвлеченіемъ, обособленная фикціею, удерживаемая въ состояніи особаго существа— особымъ существительнымъ именемъ"...

Еще глубже изслѣдуетъ этотъ вопросъ Зиммель въ своей книгѣ о „проблемахъ философіи исторіи". Онъ констатируетъ фактъ, что „именно высочайшія абстракціи, полученныя изъ сложнѣйшихъ явленій, изъ впечатлѣній, исходящихъ отъ внѣшняго соприкосновенія съ вещами—каковыя впечатлѣнія разлагать учитъ лишь эмпирическая наука—именно онѣ кажутся глубочайшимъ первоисточникомъ дѣйствительности, лежащимъ наиболѣе далеко отъ внѣшней поверхности этихъ вещей". Затѣмъ, онъ приводитъ „нѣкоторыя психологическія основанія, которыя могутъ дать поводъ къ такому самообману". Болѣе абстрактныя и общія свойства вещей сознаніе постигаетъ позже, чѣмъ ихъ конкретныя, непосредственно-чувственныя свойства. Но именно поэтому конкретное, индивидуальное и кажется внѣшнимъ, поверхностнымъ,—тогда какъ общее и абстрактное—внутреннимъ, глубоко лежащимъ и потому наиболѣе существеннымъ. Аналогія быстро переходитъ къ тому, что эмпирическую дѣйствительность принимаетъ за мертвую матерію, абстрактныя же ея свойства— за внутреннюю, оживотворяющую душу реальнаго процесса. Такимъ образомъ, метафизическое мышленіе, путемъ простого синтеза, обоб-

щенія непосредственныхъ, конкретныхъ свойствъ явленій „получаетъ значеніе таинственнаго проникновенія въ сущность вещей“*).

Въ спорахъ о природѣ и развитіи душевной жизни мы уже имѣли яркую иллюстрацію словъ Тэна и Зиммеля. Другую иллюстрацію мы увидимъ въ спорахъ о сущности историческаго процесса.

Историческій процессъ такъ многостороненъ и такъ многосложенъ, что прежде выработки цѣлостнаго взгляда на него, какъ на опредѣленный механизмъ, должны были появиться частичныя, спеціальныя изслѣдованія той или иной стороны его. Стремясь разомъ охватить цѣлое, разомъ получить *все*, умъ рискуетъ не добиться ничего. Наблюденіе довольно скоро открыло во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ, состояніяхъ и перемѣнахъ различные составные элементы, при чемъ почти во всѣхъ явленіяхъ замѣчались одни и тѣ же элементы, но въ разныхъ, такъ сказать, пропорціяхъ. Въ историческихъ явленіяхъ стали различать интеллектуальный, матеріальный и правовой—политико-юридическій прогрессъ. Интеллектуальный прогрессъ, въ свою очередь, распался для изслѣдователей на умственный и нравственный матеріальный — на ростъ техники и развитіе формъ производства, правовой—на собственно-политическій, государственный и чистогражданскій, юридическій и т. д. и т д.

Эта спеціализація была не только полезна, но она была неизбѣжна, необходима—хотя она же повела и къ цѣлому ряда иллюзій. Она положила начало ложному взгляду, будто эволюція каждаго или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ историческаго процесса можетъ быть объяснена самостоятельно, сама изъ себя; но она же, и только она, дала возможность поставить болѣе общій вопросъ: какъ построить, какъ понять исторію въ качествѣ единаго, цѣлостнаго механизма?

Еще Бокль замѣтилъ, что „печальная особенность исторіи человѣка заключается въ томъ, что хотя ея опредѣленныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣніемъ, но едва ли кто пытался слить ихъ въ одно цѣлое и привести въ извѣстность существующую между ними связь“. Изъ новѣйшихъ авторовъ П. Николаевъ („Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ“) заявляетъ, что „въ современныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ эволюціи права, этики, экономики и пр. стоятъ отдѣльно, и неизвѣстно, существуетъ ли какая *общая* имъ причина, связывающая ихъ въ одну цѣлую систему, настолько же цѣлую, насколько цѣлостенъ субстратъ всѣхъ этихъ функцій человѣческаго общества—человѣкъ. Вѣдь право, мораль, экономика и пр.—не право, мораль и экономика an und für sich, а право, мораль, экономика человѣка“.

Однако, попытокъ слить въ одно цѣлое эволюціи различныхъ сторонъ человѣческаго общежитія было не мало. При этомъ, за немногими исключеніями, всѣ онѣ носили одинъ и тотъ же характеръ. Каждая попытка научнаго построенія исторіи принимала за центральный пунктъ развитіе какой-либо одной изъ его сторонъ, груп-

*) Зиммель „Проблемы философіи исторіи“ стр. 74—75.

пируя вокругъ нея всѣ остальныя, какъ вторичныя, производныя. Такимъ образомъ, одна изъ сторонъ историческаго процесса принималась за „основу“ цѣлаго: начало, зарожденіе всѣхъ болѣе крупныхъ историческихъ перемѣнъ предполагалось непремѣнно въ ея области; что же касается до перемѣнъ во всѣхъ др. областяхъ то имъ приписывалось лишь значеніе симптомовъ, которые лишь указываютъ на существованіе болѣе глубоко кроющихся измѣненій, но сами не играютъ существеннаго значенія въ ходѣ процесса.

Такимъ образомъ, различныя стороны историческаго процесса обособлялись, противопоставлялись другъ другу, превращались въ самостоятельные „факторы“, въ абстрактныя „основы“ и „сущности“ историческаго процесса.

При этомъ невольно припоминается мѣткое замѣчаніе Алоиза Риля (автора книги о „философскомъ критицизмѣ“): „Такъ какъ *сущность* явленій зависитъ отъ того принципа, который мы кладемъ въ основаніе своей классификаціи, то намъ сдѣлается вполнѣ понятнымъ возникновеніе многихъ метафизическихъ системъ, принимавшихъ сущность за нѣчто, существующее внѣ насъ (слѣд. реализировавшихъ пустыя абстракціи). Что именно получало названіе сущности—это оказывалось вполнѣ зависящимъ отъ того, какая наука занимала первенствующее мѣсто въ общественномъ мозгу“.

Такъ, вполнѣ понятно происхожденіе знаменитой гегелевской системы въ Германіи, въ эпоху общественной реакціи, когда уставшіе отъ политическаго возбужденія умы удалились въ холодныя и спокойныя заоблачныя сферы отвлеченной мысли, чтобы облечь въ пышное и красивое одѣяніе самое неприглядное и прозаическое примиреніе съ пошлой и гнусной „дѣйствительностью“. Расцвѣтъ метафизики, надолго упрочившій за Германіей имя „страны философіи“, и поглощеніе ею сильнѣйшихъ умовъ эпохи было знаменіемъ времени. Въ общественномъ мнѣніи чашка вѣсовъ такъ сильно была наклонена въ пользу философіи, что естественно было появленіе теорій, видѣвшихъ существеннѣйшую сторону всего историческаго процесса въ развитіи философскихъ идей и системъ... И вотъ, пытаясь охватить въ одной общей формулѣ природу и исторію, ученіе Гегеля видѣло во всемъ проявленіе одной пантеистической „идеи“, одного пантеистическаго „Разума“, открывающаго себя людямъ, при благосклонномъ содѣйствіи Божіею милостью короля прусскаго, покровителя благомыслящихъ и благонамѣренныхъ философовъ, чуждыхъ крайностей и увлеченій революціонно-утопическаго характера.

Извѣстно, однако, какъ громадно было значеніе этого монистическаго взгляда на природу и исторію, какъ на непрерывную цѣпь причинно связанныхъ фактовъ, какъ на одинъ цѣлостный „процессъ развитія“,—хотя механизмъ этого процесса и усматривался въ діалектикѣ понятій. Извѣстно, какой неизгладимый слѣдъ положила Гегелевская философія на складъ ума людей, даже освободившихся отъ полнаго подчиненія ей. Такъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ лѣвыхъ гегельянцевъ, создавъ вполнѣ реалистическую, даже почти матеріалистическую концепцію историческаго процесса (Ф. Лассаль—

„Идея рабочаго сословія въ ея связи съ современнымъ историческимъ періодомъ"), въ заключеніе рядитъ свое дѣтище въ идеалистическое одѣяніе, въ тогу гегелевской терминологіи, такъ рекомендуя свой трудъ: „Это—развитіе объективнаго разумнаго процесса мысли, болѣе тысячи лѣтъ лежащаго въ основаніи европейской исторіи; разоблаченіе внутренней души, присущей исторической дѣйствительности, повидимому, лишь фактической, лишь эмпирической: души, которая своею движущею и производящею силою развила эту дѣйствительность *изъ себя* (sic). Это—глубоко развитое доказательство того, что исторія—ничто иное, какъ непрестанный прогрессъ разума и свободы, совершающійся по внутренней необходимости подъ покровомъ явленій, повидимому, чисто случайныхъ и матеріальныхъ".

„Я провожу передъ читателемъ три великіе міровые періода, показывая, что каждый изъ нихъ основанъ на внутренней идеѣ, владычествующей надъ всѣми его областями, какъ бы далеко онѣ ни лежали другъ отъ друга, надъ всѣми его явленіями, какъ бы они ни были разнообразны и разсѣяны; я показалъ, кромѣ того, что каждый предшествующій изъ этихъ періодовъ есть лишь необходимое подготовленіе слѣдующаго, каждый слѣдующій—лишь собственное имманентное развитіе, логическое слѣдствіе и исполненіе предыдущаго, такъ что всѣ три составляютъ другъ съ другомъ высшее единство и разумную необходимость".

Эти слова представляютъ собой сжатую и рельефную характеристику гегельянской „философіи исторіи".

Не одна гегельянская школа, однако, видѣла „внутреннюю душу" исторіи, развивающую „изъ себя" все и вся, въ ростѣ идей. То же слово, только иначе молвила школа Огюста Конта.

„Не смотря на связь между элементами нашего развитія—полагаетъ О. Контъ—одинъ изъ нихъ долженъ играть *преобладающую* роль, онъ долженъ давать другимъ *первоначальный* толчекъ и, въ свою очередь, двигаться впередъ подъ вліяніемъ ихъ развитія. Намъ нужно опредѣлить этотъ преобладающій элементъ, который долженъ стоять во главѣ изложенія динамики. Опредѣленіе его не можетъ представлять никакого затрудненія (sic): нужно найти такой соціальный элементъ, развитіе котораго *могло бы быть довольно хорошо понятно помимо развитія другихъ элементовъ*, не смотря на ихъ связь между собою; теорія же этого элемента *неизбѣжно должна входить* въ изслѣдованіе развитія всѣхъ остальныхъ элементовъ соціальной жизни. Основываясь на этомъ отличительномъ признакѣ, умственную эволюцію слѣдуетъ безъ колебанія поставить на первомъ планѣ, какъ *основу* всего развитія человѣчества" (курсивъ вездѣ нашъ).

Итакъ, передъ Ог. Контомъ стояла ближайшая задача—дать такую теорію умственнаго развитія, которая бы не считалась съ развитіемъ другихъ сторонъ человѣческаго общества и представляла ростъ идей, какъ нѣчто, замкнутое въ себѣ, саморазвивающееся, самодовлѣющее. Умственное развитіе должно быть понято само изъ себя или изъ внутренней „природы" человѣческаго ума, чтобы служить „въ послѣднемъ счетѣ" объясняющимъ принципомъ всякаго общественнаго

Библиотека Коммунистической Академии

развитія. Контъ и нашелъ, что „человѣческій умъ *въ силу своей природы*... послѣдовательно пользуется тремя философскими методами... сначала теологическимъ, затѣмъ метафизическимъ и, наконецъ, положительнымъ. Отсюда являются три рода философіи или три системы общихъ теорій о всей совокупности явленій, исключающія другъ друга; первая служитъ необходимою исходною точкою для человѣческаго ума, третья представляетъ окончательное, вполнѣ установившееся состояніе его, вторая служитъ лишь переходною ступенью" (вступительная лекція въ курсъ позитивной философіи). Эта „исторія человѣческаго духа" и стоитъ „во главѣ исторіи общества".

Теологическій духъ, переходный метафизическій духъ, положительный духъ—вотъ философія умственнаго развитія человѣчества, на которомъ зиждутся соотвѣтственныя надстройки; теократическо-военный режимъ, переходящій въ монархизмъ; переходный моментъ „революціонной метафизики" и демократическаго режима; послѣдняя, положительная, индустріальная стадія. Умственное развитіе—фундаментъ, основа, на которой въ послѣднемъ счетѣ опираются всѣ соціальныя явленія, учрежденія и реформы. Умственное развитіе замкнуто само въ себѣ: основной ходъ его непосредственно вытекаетъ изъ природы человѣческаго ума. Это—настоящее „саморазвитіе", развитіе на основаніи внутренно-присущихъ или имманентныхъ законовъ.

Системы Гегеля и Конта представляютъ яркій примѣръ попытки вывести всю исторію изъ одного начала, объяснить ее всю, исходя изъ одного простого принципа. Все разнообразіе историческихъ явленій, весь этотъ пестрый калейдоскопъ событій сводились къ единству. Былъ найденъ, такъ сказать, общій знаменатель для всѣхъ событій исторической жизни человѣчества. Воздвигалась стройная теорія, подкупающая своей послѣдовательностью и симметричностью.

Ахиллесовой пятой теоріи оставался вопросъ о „саморазвитіи" умственнаго элемента въ историческомъ процессѣ. Безусловная независимость и самобытность развитія разума особенно плохо гармонировала съ духомъ позитивной философіи, которая ниспровергала всѣ сущности и саморазвитія.

„Считать разумъ движущей силой всемірной исторіи и объяснять его развитіе какими-то особыми, ему самому присущими внутренними свойствами — значитъ превращать его въ нѣчто безусловное, или, другими словами, воскрешать снова ту самую абсолютную идею, которую только что объявили похороненной навѣки", справедливо говоритъ г. Бельтовъ, авторъ книги о „монистическомъ взглядѣ на исторію".

Въ томъ же духѣ высказывается его философскій единомышленникъ, г. П. Струве: „такимъ образомъ идеи *гипостазировались* въ исторіи, т. е. имъ приписывалось самостоятельное, независимое отъ внѣшнихъ событій и процессовъ бытіе".

Ошибка указана вѣрно: но слѣдуетъ ли изъ этого, что дѣло пойдетъ иначе, если на мѣсто саморазвитія идей мы поставимъ, въ качествѣ опять-таки „послѣдняго объясняющаго принципа", „единаго

начала, изъ котораго объясняется весь историческій процессъ"—развитіе какой-либо другой изъ сторонъ общественной жизни, напр., права или экономики? Въ чемъ ошибка—въ томъ ли, что неудачно выбранъ соціальный элементъ, которому приписана преобладающая роль, или въ самой постановкѣ вопроса въ самомъ исканіи такого элемента, развитіе котораго было бы понятно само изъ себя и теорія котораго неминуемо должна бы войти въ объясненіе соціальныхъ метаморфозъ всякаго иного порядка?.

III.

Въ своей книгѣ „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи" проф. С. Муромцевъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ воззрѣнія исторической школы. Для насъ больше всего интереса представляетъ тотъ упрекъ его этой школѣ, согласно которому она повинна въ неменьшей „гипостазировкѣ" своихъ наиболѣе общихъ понятій, чѣмъ мы видѣли у школъ Гегеля и Конта. Подобно тому, какъ эти школы приписывали абсолютную самобытность и независимость процессу умственнаго развитія человѣчества, превращая его такимъ образомъ въ саморазвивающееся, замкнутое въ себѣ цѣлое—такъ и развитіе права превращалось у юристовъ исторической школы въ обособленный, зависящій лишь отъ собственныхъ внутреннихъ законовъ развитія, процессъ. Этотъ пріемъ г. Муромцевъ называетъ „объектированіемъ" отвлеченныхъ категорій, не имѣющихъ самостоятельнаго существованія, независимо отъ всей совокупности процессовъ жизни и развитія человѣческаго общества.

„Объективизмъ или объективированье,—говоритъ онъ,—есть ничто иное, какъ наклонность приписывать нѣкоторымъ образомъ самостоятельное существованіе тому, что является лишь продуктомъ умственной и нравственной дѣятельности людей". Поводомъ къ такому объектированію можетъ служить тотъ фактъ, что развитіе и дѣятельность общественнаго союза не можетъ быть сведена на сумму дѣятельностей членовъ его, отдѣльно взятыхъ, что сила каждаго лица, вступившаго въ союзъ, своеобразно увеличивается вслѣдствіе соединенія съ силами другихъ лицъ" *). „Но понятный и выраженный неправильно, онъ (этотъ фактъ) удаляетъ образованіе права какъ бы въ область внѣ человѣческую; образуясь и развиваясь для людей, оно не создается ими". „Развитіе понималось такъ, какъ будто оно необходимо предполагаетъ, что въ развивающемся существуетъ *внутреннее* стремленіе стать чѣмъ-то высокимъ". „Извѣстная метафора сравнила развитіе права съ развитіемъ зерна, которое будто-бы, *само собою* превращается въ широкоствольное дерево. Какъ будто бы дерево не обязано своимъ происхожденіемъ столько же окружа-

*) С. Муромцевъ, „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи" стр. 8.

ющей его средѣ, сколько и зерну! Не замѣчали, что *развитіе опредѣляется во всѣхъ случаяхъ взаимодѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ* (Спенсеръ). И какъ дерево происходитъ столько же изъ зерна, сколько изъ окружающихъ его газовъ, воды и элементовъ почвы, — такъ и любой правовой институтъ развивается не самъ собою, но чрезъ взаимодѣйствіе многихъ факторовъ, изъ которыхъ главные надо искать внѣ области права...".

Любопытно отмѣтить, что характерной чертой для этихъ „объективистовъ" юриспруденціи является любовь къ фигуральнымъ выраженіямъ, злоупотребленіе аналогіями и метафорами. И это не случайность. Образный языкъ отлично прикрываетъ характеръ тѣхъ категорій, которыми приходится оперировать, и облегчаетъ употребленіе ихъ въ качествѣ реальностей, которымъ затѣмъ уже немудрено приписать цѣлый рядъ самыхъ активныхъ свойствъ, вліяній и функцій. „Всѣ частныя руководящія понятія исторической школы, какъ напр., „общенародное правовое убѣжденіе", „народный духъ", „правовой организмъ", „органическое развитіе права", были, говоритъ г. Муромцевъ, по большей части фигуральными выраженіями, которыя неизбѣжно должны были внести туманъ въ область реальнаго процесса образованія права. Было легко создавать дѣйствительность путемъ аналогій, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать ее тщательно и подробно".

Тоже самое видимъ мы нынѣ въ исторической концепціи послѣдователей „историческаго матеріализма". Легко и просто, внѣ времени и пространства, безъ отношенія къ конкретнымъ условіямъ каждаго отдѣльнаго случая, рѣшаются съ новой точки зрѣнія самые сложные и запутанные практическіе вопросы соціологіи и политики. Говоря словами г. Муромцева, конечно, легче „строить дѣйствительность путемъ аналогій", чѣмъ „изслѣдовать ее тщательно и подробно". Зато стройность, съ которой выкручивается изъ головы вся эта система, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Туманный метафизическій языкъ удачно скрадываетъ всѣ пробѣлы теоріи, красиво драпируя ее въ терминологію настолько общаго характера, что возражать противъ подобной аргументаціи становится крайне трудно: она не поддается точному анализу. Можно только послать ей самый общій упрекъ въ безсодержательномъ фразерствѣ, и припомнить классическую фразу Гете, что „слова" всегда выручаютъ тамъ, гдѣ обнаруживается недостатокъ въ понятіяхъ.

Современные экономическіе матеріалисты въ большей или меньшей степени подверглись вліянію критической философіи,—даже тѣ, которые объявляютъ философскій критицизмъ метафизической отрыжкой нашего метаріалистическаго вѣка. Поэтому ихъ душевное равновѣсіе нарушено, ихъ разъѣдаютъ внутреннія противорѣчія. „Ахъ, двѣ души живутъ въ моей груди, и одна хочетъ разлучиться съ другой". Съ одной стороны, они—рабы, невольники своего направленія. Ихъ теоретическій долгъ—доказывать, что только перемѣны, происходящія въ области экономики, имѣютъ для хода историческаго процесса существенное значеніе, всѣ же остальныя перемѣны имѣ-

ютъ только значеніе симптоматическое. Имъ нужно доказывать, что явленія изъ области умственной, политической, юридической эволюціи имѣютъ характеръ вторичный, производный, тогда какъ экономическія явленія „первичны“. Имъ нужно вырвать экономическую эволюцію изъ ея органической связи съ другими, объяснить ее „изъ самой себя“, доказать ея независимость, ея „саморазвитіе“. Но для того—съ другой стороны—нужно „гипостазировать абстракціи“, говоря словами г. П. Струве, или, употребляя терминологію г. Бельтова, „воскрешать абсолютъ“, объясняя развитіе „экономики“ „какими-то особыми, ей самой присущими внутренними свойствами“.

Въ итогѣ получается слѣдующее. Пока мысль у экономическаго матеріалиста не прячется въ метафоры и аналогіи, онъ говоритъ цѣлый рядъ истинъ, подтачивающихъ въ корнѣ всю стройность и цѣльность его міросозерцанія. Но это затѣмъ нисколько не мѣшаетъ ему опять забраться въ безбрежное море реализованныхъ абстракцій и лѣвою рукою воздвигать вновь то, что разрушила правая.

Приведемъ примѣры. Возьмемъ сначала г. Струве,—автора, который пробовалъ обосновать экономическій матеріализмъ на прочномъ фундаментѣ критической философіи *). По его мнѣнію, экономическій матеріализмъ есть ничто иное, какъ „смѣлая попытка *изъ одного начала* (курсивъ нашъ) объяснить весь историческій процессъ“. Въ чемъ же заключается это историческое „начало всѣхъ началъ“? Пока г. Струве пребываетъ въ области метафоръ и аналогій, отвѣтъ не труденъ. Онъ дается цитатой изъ Энгельса, что „въ послѣднемъ счетѣ“ (матеріалистическій способъ обозначенія „конечныхъ причинъ“ старой метафизики) все сводится на „экономическую структуру“. Но какъ только мы перейдемъ къ анализу этихъ терминовъ—картина мѣняется. „Возьмемъ понятіе *товарное производство*“, читаемъ мы на стр. 45 книги г. Струве: это—весьма богатый содержаніемъ комплексъ представленій. Оперируя съ этимъ понятіемъ, мы пользуемся, какъ апріорными, цѣлымъ рядомъ психологическихъ предпосылокъ. Товарное производство *не является какимъ-то внѣшнимъ факторомъ*, опредѣляющимъ дѣйствія людей: это опредѣленная форма удовлетворенія человѣческихъ потребностей, *предполагающая существованіе* извѣстныхъ правовыхъ институтовъ и опредѣленнаго правосознанія: *Это, можно сказать, столько же психологическое, сколько и экономическое понятіе*“ (курсивъ вездѣ нашъ).

Итакъ, съ одной стороны, экономическая структура есть „основа“, „фундаментъ“ или „базисъ“, на которомъ зиждутся психологическія, юридическія и иныя „надстройки“; а съ другой стороны оказывается, что „основа“ эта имѣетъ столько же психологическій, сколько и экономическій характеръ... „Въ послѣднемъ счетѣ“ все опирается на экономическую структуру; а сама эта структура—ужъ неизвѣстно въ какомъ „счетѣ“ — предполагаетъ и опредѣленное правосознаніе, и опредѣленные правовые институты.

*) Попытка эта была уже мною разобрана довольно подробно: см. ст. „Экономическій матеріализмъ и критическая философія“ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, кн. 39.

Та же исторія и у г. Н. Бельтова. И у него вы постоянно найдете тезисы, вродѣ такихъ, что „экономія *господствуетъ* надъ политикой", что „правовыя отношенія и государственныя... *коренятся* въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, что „психологія общества всегда цѣлесообразна по отношенію (?!) къ его экономіи, всегда соотвѣтствуетъ ей, всегда *опредѣляется* ею". Все это повторяется неоднократно. Но и г. Бельтовъ вкусилъ отъ древа критики, и потому у него проскальзываютъ и другого рода сознанія.—„И экономія общества, и его психологія представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія (какъ же это „одна сторона" явленія можетъ „корениться" въ „другой сторонѣ" того же явленія, быть „цѣлесообразной по отношенію къ ней" и „опредѣляться" ею?): производство жизни людей, ихъ борьбы за существованіе, въ которой они группируются извѣстнымъ образомъ, благодаря данному состоянію производительныхъ силъ. Борьба за существованіе создаетъ ихъ экономію; на ея же почвѣ выростаетъ ихъ психологія. *Экономія есть сама ничто производное, какъ и психологія*" *). Этотъ отказъ экономіи въ „правѣ первородства" очень любопытенъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ни къ чему не обязываетъ. Тотъ же самый г. Бельтовъ опять заговоритъ о „господствѣ" экономіи надъ психологіей, правомъ, политикой, и въ отвѣтъ на упреки спокойно отвѣтитъ, что это онъ говоритъ „такъ-себѣ", для простоты, для популярности... Въ самомъ дѣлѣ, далѣе у него мы читаемъ: „Изъ этого видно, что *только въ популярной рѣчи* можно говорить объ экономіи, какъ о *первичной причинѣ* всѣхъ общественныхъ явленій" **). Однако, что же это за странныя допущенія „ради популярности рѣчи"?. Неужели экономическій матеріализмъ заключаетъ, подобно мистическимъ ученіямъ древности, экзотерическую и эзотерическую части: однѣ „истины" играютъ роль размѣнной, ходячей монеты, которая, въ сущности, ничего не стоитъ, но бросается въ обращеніе для „непосвященныхъ", для ничего не смыслящей толпы; изъ уваженія къ ея слабости и неспособности „вмѣстить" ученіе во всей его чистотѣ, ей дается упрощенный суррогатъ истины; другая же часть—истины высшаго порядка, настоящія „таинства" ученія—открыты лишь „посвященнымъ", „избраннымъ" вродѣ г. Бельтова и К°? Неужели, дѣйствительно, экономическій матеріализмъ—какой-то двуликій Янусъ, однимъ лицомъ обращенный къ правовѣрнымъ, а другимъ—къ „оглашеннымъ", стоящимъ еще въ преддверіи истины?

Одно изъ двухъ—или „психологія" общества, какъ и „экономія" его, равно производныя явленія; тогда нужно выбросить за бортъ всѣ разсужденія о томъ, что психологія „въ послѣднемъ счетѣ" опредѣляется экономіей, что экономія „господствуетъ" надъ психологіей, что психологія вынуждена „приспособляться" къ экономіи, что экономія — фундаментъ, а психологія и идеологія общества — надстройка и множество подобныхъ этому фигуральныхъ выраженій, изъ

*) „Мон. взглядъ на исторію", см. стр. 172, а также 171, 169, 125.
**) Ibid., стр. 173.

которыхъ, какъ изъ кирпичей, легко воздвигается грандіозное зданіе „матеріалистической системы“ въ соціологіи. Или же съ критическимъ отношеніемъ къ терминологіи безопаснѣе совершенно распроститься. А „смѣшивать два эти ремесла“ довольно неудобно. Вотъ, напр., г. Струве обѣщалъ изложить систему экономическаго матеріализма, какъ „смѣлую попытку *изъ одного начала* объяснить весь историческій процессъ“, а, въ концѣ концовъ, оказывается, что въ его изложеніи не достаетъ... немного: какъ разъ этого „единаго начала“. Мы уже видѣли, что „экономическая структура“ и ея развитіе оказалась слишкомъ „сложнымъ комплексомъ представленій“ для роли такого „единаго начала“. Но, быть можетъ, дѣло будетъ удачнѣе, если мы обратимся къ „росту производительныхъ силъ“ къ „техникѣ процессовъ производства“?.. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ Марксъ говаривалъ, что измѣненія способовъ, техники производства—это „дрожжи, приводящія въ броженіе всѣ отношенія буржуазнаго общества“, и уподоблялъ ихъ вліяніе на экономическую структуру вліянію новаго вооруженія войскъ на боевой строй солдатъ и всю военную тактику. Не даромъ и г. Бельтовъ говоритъ про „экономическую структуру“, эту „основу“ всѣхъ соціологическихъ надстроекъ: „далекая отъ того, чтобы быть *первичной* причиной, она сама есть слѣдствіе, „функція“ *производительныхъ силъ* *). П. Струве также повторяетъ на всѣ лады это положеніе, что экономическая структура опредѣляется состояніемъ производительныхъ силъ; но, вкусивъ отъ „древа“ философскаго критицизма и утративъ первобытную невинность, онъ сочувственно цитируетъ слова Э. Бернштейна: „техническое развитіе способовъ производства есть необходимый *потенціальный* факторъ (соціальнаго процесса), но *не исключительный*, не такой факторъ, который бы дѣйствовалъ самопроизвольно, механически“. Съ поисками „единаго начала“, которымъ объясняется „весь историческій прогрессъ“, и здѣсь обстоитъ неблагополучно. Подобно экономической структурѣ, и техника производства эволюціонируетъ не „самопроизвольно“, не на основаніи какихъ-то „внутренно-присущихъ“ или, высокимъ слогомъ говоря, „имманентныхъ“ свойствъ и законовъ, а въ связи съ развитіемъ, эволюціей „цѣлаго“, т.-е. всей совокупности общественныхъ явленій.

Этого мало. Слѣдуя примѣру г. Струве, мы можемъ утверждать, что понятіе „роста производительныхъ силъ“ есть не что-то единое и простое, а „очень сложный и очень богатый содержаніемъ комплексъ представленій“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже „предполагаетъ“ опредѣленную экономическую структуру: извѣстно, что господство свободы конкурренціи, заставляя каждаго капиталиста удешевлять товары и производство ихъ, даетъ громадный толчекъ росту производительныхъ силъ, тогда какъ до-капиталистическія, цеховыя отношенія не только сами не вызывали этого роста, но, напротивъ того, тормазили его и даже насильственно ему препятствовали—таковы законодательныя запрещенія машинъ, мѣры противъ нихъ со-

*) „Монистическій взглядъ“ etc., стр. 173.

стороны городскихъ управленій и т. д. Притомъ, „ростъ производительныхъ силъ“ можно назвать понятіемъ столько же психологическимъ, сколько и экономическимъ. Развитіе способовъ производства есть приложеніе *знаній* человѣка къ практикѣ—къ господству надъ природою. Уровень познаній—хорошій измѣритель техническаго развитія орудій борьбы человѣка съ природою. Почти полному отсутствію какихъ бы то ни было теоретическихъ знаній соотвѣтствуетъ господство случайности въ сферѣ изобрѣтеній и открытій. Дальнѣйшій ростъ знаній дѣлаетъ прогрессъ техники все систематичнѣе, обдуманнѣе, потому прочнѣе и непрерывнѣе. Все, что задерживаетъ ростъ знаній, задерживаетъ и развитіе техники. Такимъ образомъ, повторяемъ, и ростъ производительныхъ силъ не самъ себѣ довлѣетъ, а совершается въ связи съ развитіемъ всей совокупности общественныхъ отношеній. Стало быть, его нельзя принять за primum movens всякаго соціальнаго движенія.

Но тогда гдѣ же, въ концѣ концовъ, это сокровенное „единое начало“, изъ котораго экономическій матеріализмъ выводитъ „весь историческій процессъ“, въ виду того, что развитіе этого „начала“ понятно „само изъ себя“? Остается, правда, еще одно предположеніе: это „начало“ есть „голосъ желудка“, „экономическій или матеріальный интересъ“. И дѣйствительно, „въ популярной рѣчи“ матеріалисты охотно употребляютъ такія общія и неопредѣленныя выраженія, какъ-то, что „матеріальныя нужды правятъ міромъ“, „исторія есть борьба матеріальныхъ интересовъ“ и т. д. Въ этомъ общемъ видѣ приведенныя нами положенія недоступны серьезной критикѣ, требующей точности выраженій. Но попробуйте обобщить ихъ: попробуйте принять за теорему экономическаго матеріализма положеніе, что „экономическій или матеріальный интересъ есть единственная основная сила исторіи, всѣ же другіе стимулы — только замаскированныя проявленія этого основного мотива“. Въ этомъ видѣ тезисъ становится яснымъ и опредѣленнымъ, а слѣдовательно, допускаетъ серьезное научное обсужденіе, серьезный научный споръ. Но такой постановки вопроса не только экономическіе матеріалисты сами не дѣлаютъ, но даже осмѣиваютъ ее, когда ее предлагаютъ ихъ критики. Такъ, по мнѣнію г. Н. Бельтова, это – смѣшное и глупое искаженіе взглядовъ „экономическаго матеріализма“. „Обыкновенному русскому читателю,—говоритъ онъ—историческая теорія Маркса кажется какимъ-то гнуснымъ пасквилемъ на человѣческій родъ. У Г. И. Успенскаго, если не ошибаемся, въ Разореніи, есть старуха чиновница, которая даже въ предсмертномъ бреду упорно повторяетъ правило всей своей жизни: „въ карманъ норови, въ карманъ!“ Русская интеллигенція наивно думаетъ, что Марксъ приписываетъ это правило всему человѣчеству“... И затѣмъ слѣдуетъ сравненіе „русской интеллигенціи“ съ почтенной чиновницей, которая воображаетъ, что Дарвинъ утверждаетъ, будто она — переодѣтая обезьяна. Не споримъ, все это быть можетъ и остроумно, но — да проститъ намъ авторъ—въ концѣ концовъ, онъ все-таки увертывается отъ вопроса. Оставимъ въ сторонѣ „обыкновенныхъ русскихъ

читателей", „русскую интеллигенцію" тожъ. Положимъ, что она физически не въ состояніи „превзойти ту мѣру пониманія, которая отпущена ей благодѣтельной натурой", какъ говоритъ г. Бельтовъ въ другомъ мѣстѣ. Но вотъ передъ нами самый настоящій философъ Зиммель, труды котораго, по свидѣтельству г. Струве, доказываютъ, какъ плодотворно примѣненіе методовъ критической философіи къ рѣшенію соціологическихъ вопросовъ. И онъ считаетъ характерной особенностью экономическаго матеріализма „предположеніе, что всѣ исторически дѣйствующіе интересы являются лишь преобразованіемъ и прикрытіемъ матеріальныхъ". Но „такъ какъ дѣйствительное сознаніе, лежащее въ основѣ нашихъ поступковъ, тысячи разъ проявляетъ совершенно иные, кромѣ экономическихъ, мотивы, то это ученіе должно проникать еще глубже сознанія, до его безсознательныхъ основаній". По мнѣнію Зиммеля, этого „основного предположенія"—„никогда нельзя доказать", а потому оно является „догматизмомъ" и „метафизическимъ произволомъ", особенно когда на немъ останавливаются и „объявляютъ его послѣднимъ пунктомъ, котораго можно достигнуть въ изслѣдованіи, который самъ по себѣ понятенъ и не требуетъ больше никакого изслѣдованія". При этомъ, въ сущности, „отказываются прослѣдить матеріальныя и душевныя нити, стеченіе которыхъ необходимо для порожденія этого интереса, и которыя должны пройти черезъ этотъ послѣдній пунктъ для образованія, такъ сказать, каждой дальнѣйшей ткани изъ фактовъ" *).

Должно быть, вина лежитъ не въ „обыкновенныхъ русскихъ читателяхъ", непонятливость которыхъ для г. Бельтова вошла въ пословицу, — а въ чемъ-то иномъ. Въ чемъ же? Мы не затруднимся отвѣтить: опять въ той „популярной рѣчи", которая, по г. Бельтову, допускаетъ „упрощеніе" глубокихъ истинъ экономическаго матеріализма.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что съ точки зрѣнія экономическихъ матеріалистовъ психологія человѣка вовсе не соткана изъ одной экономической выгоды, а, напротивъ, представляетъ собою... „очень сложный комплексъ" чувствъ, потребностей, эмоцій. Противоположный взглядъ сводился бы къ самому вульгарному бентамизму, о которомъ Марксъ отзывался крайне рѣзко. „Ни въ какія времена и ни въ какой странѣ не случалось, чтобы подобная доморощенная пошлость выступала съ такимъ самодовольствомъ... „принципъ полезности" вовсе не есть открытіе Бентама. Онъ только глупо воспроизвелъ то, что Гельвецій и др. французы XVIII столѣтія развивали остроумно. Если, напримѣръ, желаютъ знать, что полезно для собаки?—то нужно изслѣдовать собачью натуру. Самую же эту натуру нельзя построить изъ „принципа полезности". Если же принципъ полезности прилагаютъ къ человѣку, т.-е., если хотятъ обсуждать всѣ дѣла, поступки, отношенія и т. д. съ точки зрѣнія этого принципа, то при этомъ слѣдуетъ повести рѣчь о человѣческой природѣ

*) „Проблемы философіи исторіи" Г. Зиммеля, пер. В. Н. Линда, стр. 103—104.

вообще, а потомъ ужъ объ измѣненной человѣческой природѣ, какъ она проявляется въ каждой исторической эпохѣ. Бентамъ объ этомъ не задумывается. Съ наивнѣйшею сухостью онъ принимаетъ современнаго лавочника, и притомъ англійскаго, за нормальнаго человѣка... Этотъ масштабъ служитъ ему для мѣрки прошедшаго, настоящаго и будущаго“ *).

Итакъ, хотя, казалось, мы взяли за primum agens соціальнаго движенія такую простую вещь, какъ матеріальный интересъ, разсчетъ экономической пользы или выгоды—при углубленіи въ вопросъ дѣло оказалось сложнѣе, чѣмъ мы думали. Оказалось, что „польза“ бываетъ всяческая, что „интересы людей мѣняются, какъ вообще мѣняется ихъ природа въ связи съ развитіемъ всей совокупности общественныхъ отношеній. Словомъ, мы и здѣсь не получили никакого „начала“, изъ котораго можно было бы выкрутить цѣлостное и законченное объясненіе историческаго процесса.

Послѣ этого становится понятной причина, почему экономическіе матеріалисты не задерживаются подолгу на точномъ и строгомъ критическомъ анализѣ своихъ руководящихъ терминовъ, а спѣшатъ спуститься въ сферу „популярной рѣчи“, гдѣ все просто, стройно и симметрично.

Ясно, что „экономическій факторъ“ главенствуетъ въ исторіи—особенно, если въ этотъ неопредѣленный терминъ вдвинуть безъ разбора все, въ чемъ есть хоть крупица чего-нибудь „экономическаго“: и ростъ производительныхъ силъ, и строй производства, и экономическое законодательство, и матеріальныя нужды... Такимъ образомъ, основа теоріи экономическаго матеріализма готова. Нѣтъ ничего легче, какъ воздвигать далѣе одну теорему на другую, обильно пользуясь метафорами и аналогіями. Экономика есть фундаментъ, все остальное—надстройки: развѣ это не логическій выводъ изъ „главенства“ экономическаго фактора? Затѣмъ къ услугамъ цѣлый рядъ еще подобныхъ же метафоръ: „требованія“ развившихся формъ производства, „переростаніе“ ихъ растущими производительными силами, „отраженіе“ экономической дѣйствительности въ мозгу личности, „производство... индивидовъ“, „приспособленіе“ интеллектуальныхъ отношеній къ матеріальнымъ... хотя бы не существующимъ, а лишь „имѣющимъ наступить“ **).

А въ общемъ—слова, слова и слова, прикрывающія недостатки анализа, какая-то „вульгарная теорія историческаго процесса“, параллельная „вульгарной политической экономіи“.

---

*) „Капиталъ“, т. I, изд. второе, стр. 532—533, прим. 67.

**) Н. Бельтовъ, желая примирить два своихъ положенія—одно, что „психологія общества опредѣляется экономіей, приспособляется къ ней“, и другое, что сплошь и рядомъ „психологическая эволюція предшествуетъ экономической революціи, прибѣгаетъ къ такой поэтической вольности въ употребленіи слова „приспособленіе“ (что, вѣроятно, допустимо „въ популярной рѣчи“). По Бельтову, психологія европейскаго пролетаріата „приспособляется къ новымъ, будущимъ отношеніямъ производства“. Опредѣляющая причина является позднѣе своего слѣдствія: новый видъ мистическаго „дѣйствія на разстояніи“.

IV.

Мы видѣли, какъ неудачны были попытки свести весь историческій процессъ въ послѣднемъ счетѣ къ развитію какого-либо одного изъ элементовъ общественной жизни. Поэтому вполнѣ естественно было появленіе примирительной, эклектической теоріи, которая признавала относительную самостоятельность каждаго изъ этихъ элементовъ—права, экономики, идеологіи,—причемъ за каждымъ изъ нихъ признавалась также и нѣкоторая доля „вліянія“ на другія. Эта теорія извѣстна обычно подъ названіемъ теоріи „взаимодѣйствія“ факторовъ. Нетрудно видѣть, какъ, въ концѣ концовъ, туманно это эклектическое воззрѣніе, признающее развитіе права, экономики и идеологіи за особые, замкнутые въ себѣ циклы, за отдѣльно другъ отъ друга тянущіяся причинныя цѣпи фактовъ, лишь время отъ времени, мѣстами, не то какъ бы перерывающіяся и привходящія другъ въ друга, не то пускающія другъ къ другу отдѣльные отростки. Въ концѣ концовъ, и „взаимодѣйствіе“ есть только удобная формула, какъ будто разрѣшающая все, но, въ сущности, не дающая точнаго, яснаго и опредѣленнаго взгляда на природу и на механизмъ соціальнаго развитія.

Всего хуже въ соціологіи именно такое полу-знаніе, которое дается туманными общими формулами, будь то „взаимодѣйствіе“ или отношеніе „фундамента“ къ надстройкамъ. Когда люди заручаются одной изъ подобныхъ формулъ, они поддаются самообману, какъ будто бы имъ что-то разъяснилось, что-то, прежде неизвѣстное, сдѣлалось извѣстнымъ. Дѣло философскаго критицизма здѣсь прежде всего заключается въ томъ, чтобы расчистить путь истинному знанію, устранивъ съ его дороги всякіе его суррогаты и на ихъ мѣсто поставивъ хотя бы самое откровенное „не знаю“.

Изъ предыдущаго видно, что общественная наука все еще переживаетъ ту стадію развитія, которую Контъ назвалъ бы „метафизической“.

Умъ человѣческій неудержимо стремится къ обобщеніямъ, стремится всю совокупность своихъ фактическихъ знаній скомбинировать въ нѣсколькихъ формулахъ, подвести имъ итоги, охватить нѣсколькими положеніями, опредѣляющими существеннѣйшее содержаніе процессовъ и явленій. Но положенія эти должны твердо опираться на фактическій матеріалъ. Построеніе науки можетъ совершаться лишь весьма медленно, начинаясь съ обобщеній чисто эмпирическихъ и переходя далѣе черезъ цѣлый рядъ этажей и надстроекъ къ вершинѣ знанія—въ данномъ случаѣ — единому и цѣлостному взгляду на основное содержаніе исторіи и механизмъ ея движенія. Умозрѣніе, однако, часто обгоняетъ нормальный, естественный прогрессъ науки, стремится предвосхитить ея отдаленнѣйшіе выводы. Въ результатѣ получаются системы, выкрученныя изъ головы, ставящія фикціи на мѣсто реальностей... Жизнь безконечно сложна, широка, разнообразна и калейдоскопична; матафизическія теоріи, напротивъ того, прежде всего узки, прямолинейны и чрезвычайно симметричны.

Мы видѣли въ началѣ статьи, какъ въ менѣе сложномъ психологическомъ вопросѣ о приходѣ и развитіи душевной жизни смѣнялись школы, принимавшія за независимые факторы различные элементы сознанія, точнѣе—различныя стороны его. Неуспѣхъ этихъ теорій привелъ къ временному господству эклектическаго взгляда на относительную самостоятельность и равноправность этихъ мнимыхъ „факторовъ"—и только впослѣдствіи постепенно начало пробиваться сознаніе условнаго, отвлеченнаго характера этихъ психологическихъ разграниченій. Отъ такого сознанія еще было далеко до полной теоріи развитія душевной жизни. Но оно было прежде всего большимъ шагомъ впередъ въ методологическомъ отношеніи. Съ этихъ поръ психологія могла взяться за свою настоящую задачу—изученіе законовъ развитія психической жизни въ ея цѣломъ—общихъ законовъ эволюціи ея—вмѣсто того, чтобы болѣе или менѣе остроумно сводить къ какому—нибудь одному излюбленному элементу всѣ ея проявленія, или вмѣсто тщетныхъ попытокъ какъ-нибудь уяснить природу и способъ „взаимодѣйствія" ея элементовъ, при самостоятельномъ развитіи каждаго изъ нихъ порознь.

Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы считать совершенно безплодною борьбу мнѣній по вопросу о томъ, какой изъ элементовъ душевной жизни нужно считать господствующимъ. Напротивъ, каждая изъ этихъ школъ принесла свою долю пользы. Всѣ онѣ вмѣстѣ (каждая для своего излюбленнаго „элемента") доказывали — и дѣйствительно доказали—присутствіе всѣхъ элементовъ въ каждомъ изъ состояній сознанія; именно благодаря этой подготовительной работѣ новая школа могла, подводя итоги спорамъ, сказать: нѣтъ познанія безъ чувства, нѣтъ познанія безъ воли, нѣтъ чувства безъ познанія и воли, нѣтъ воли безъ чувства и безъ познанія. И только съ этого времени старыя школы утратили свой raison d'etre,—ихъ роль оказалась сыгранной *).

Тоже и въ соціологіи. Она стоитъ сейчасъ передъ задачей—твердо, опредѣленно, разъ навсегда выяснить отвлеченный характеръ тѣхъ разграниченій, за которыми прежнія школы видѣли какіе-то особые „факторы"—экономическій факторъ, юридическій, умственный.

Мы подвергали рѣзкой критикѣ воззрѣнія этихъ школъ, но считаемъ необходимымъ оговориться: нельзя считать ихъ работу совершенно безплодною. Напротивъ, каждая изъ нихъ внесла нѣчто новое въ сумму положительныхъ знаній, которыми можетъ располагать современный соціологъ. У каждой изъ этихъ школъ была важная задача: доказать повсемѣстное присутствіе того элемента, который она принимала за преобладающій. Каждая изъ этихъ школъ, при философской неудовлетворительности всей *совокупности* ея построеній, имѣла свой особый методъ разработки, изслѣдованія историческихъ данныхъ, методъ, дававшій положительные результаты.

---

*) „Ибо путемъ взаимнаго ограниченія противоположныхъ максимъ—находятъ высшую, которая даетъ возможность той и другой проявиться". Зиммель, „Проблемы философіи исторіи", стр. 80.

Въ предыдущемъ изложеніи мы обращали особенное вниманіе на экономическій матеріализмъ, такъ какъ это самая послѣдняя изъ односторонне-монистическихъ теорій, до сихъ поръ еще не потерявшая кредита въ глазахъ нашей интеллигенціи. Если объ историческомъ идеализмѣ Конта и Гегеля или объ исторической школѣ въ правѣ можно говорить спокойно, какъ объ ученіяхъ уже похороненныхъ, то въ лицѣ экономическаго матеріализма передъ нами живое и воинствующее ученіе. Поэтому мы критиковали его рѣзко и рѣшительно. Это не должно, однако, помѣшать намъ отнестись къ экономическому матеріализму съ той справедливостью, которой онъ несомнѣнно заслуживаетъ.

Экономическій матеріализмъ, оставаясь плоской соціальной философіей, можетъ принести не мало пользы, какъ методъ детальнаго научнаго изслѣдованія. Передъ нимъ важная и серьезная задача— путемъ точнаго анализа историческихъ данныхъ освѣтить экономическую сторону каждаго историческаго періода, понять, такъ сказать, экономическую подоплеку всякаго соціальнаго явленія. Нѣтъ отдѣльныхъ процессовъ умственныхъ, экономическихъ или правовыхъ— есть лишь соціальные процессы, которые можно и должно разсматривать со всѣхъ этихъ трехъ сторонъ, трехъ точекъ зрѣнія. И тѣмъ интереснѣе всѣ изслѣдованія, руководимыя принципами экономическаго матеріализма, что у многихъ, очень многихъ историческихъ изслѣдователей матеріальный бытъ трудящихся массъ оставался въ тѣни, на заднемъ планѣ. Для того, чтобы выпрямить палку, иногда не мѣшаетъ перегнуть ее въ противоположную сторону—и поэтому со стороны изслѣдователей исторіи съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма даже неизбѣжныя односторонности и увлеченія будутъ бѣдой „еще не столь большой руки“ *).

Такимъ образомъ, въ общемъ мы считаемъ вполнѣ законнымъ усиленіе экономическаго направленія въ исторіи. Оно особенно своевременно теперь, въ эпоху наибольшаго обостренія соціальнаго вопроса и борьбы классовъ, и нельзя не привѣтствовать той демократической струи, которая проникаетъ міровоззрѣніе адептовъ экономическаго матеріализма (разумѣется, за немногими исключеніями). Жаль только, что теоретическая форма, въ которую вылилось это міросозерцаніе, такъ неудачна и такъ мало соотвѣтствуетъ живому, идеалистическому содержанію... То реализированье пустыхъ абстракцій, въ которомъ повинны экономическіе матеріалисты, накладываетъ на ихъ взгляды, противъ ихъ воли, печать какого-то формализма. Отвлеченныя категоріи превращаются въ какіе-то фетиши, въ

*) Наше отношеніе къ экономическому матеріализму мы намѣренно выразили въ тѣхъ же самыхъ терминахъ, въ которыхъ выражаетъ Ф. А. Ланге (Исторія матеріализма“) свое отношеніе къ матеріализму естественно-научному („плоская философія“, съ одной стороны, и ,,хорошій методъ детальнаго: научнаго изслѣдованія“—съ другой.) И не мудрено, ибо отношеніе естественно научнаго матеріализма къ монизму критической философіи таково же, каково отношеніе экономическаго матеріализма къ нашей точкѣ зрѣнія.

„факторы“, стоящіе превыше людей... *). Эта метафизическая скорлупа многихъ отталкиваетъ отъ экономическаго матеріализма, оскорбляя ихъ нравственное чувство и даже навлекая на адептовъ экономическаго матеріализма подозрѣніе въ гражданскомъ индифферентизмѣ и квіетизмѣ, которые, дѣйствительно, часто прикрываются всевозможными фаталистическими теоріями.

Впрочемъ, у насъ экономическій матеріализмъ, очевидно, переживаетъ переходное состояніе. Всѣ его сторонники, въ сущности, пытаются реформировать его на разные лады. П. Струве признавалъ „метафизическую внѣшность“ экономическаго матеріализма и думалъ избавить отъ нея эту теорію посредствомъ выясненія основныхъ началъ соціологической „гносеологіи“. Но работа, очевидно, оказалась труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, ибо впослѣдствіи онъ пошелъ еще дальше въ признаніи „метафизичности“ этой теоріи. Онъ призналъ, что во взглядахъ Энгельса положительныя научныя данныя *тѣсно переплетаются* съ „матеріалистической метафизикой“, и что “почти навѣрное“ то же относится и къ К. Марксу. Это уже болѣе, чѣмъ „метафизическая внѣшность“. С. Н. Булгаковъ, также считающій необходимымъ пересмотрѣть основныя положенія экономическаго матеріализма при свѣтѣ критической философіи, предлагаетъ даже самое названіе „экономическій матеріализмъ“ замѣнить болѣе широкимъ „соціальный матеріализмъ“. Н. Бельтовъ, тяготѣющій болѣе къ Гегелю, колеблется между „діалектическимъ матеріализмомъ“ и „историческимъ монизмомъ“. А иные dii minores той-же группы еще сильнѣе тяготѣютъ къ широкому соціальному монизму.

Историческій монизмъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы непремѣнно сводить всѣ явленія соціальной жизни на измѣненіе одного изъ ея элементовъ. Есть еще видъ монизма, который состоитъ въ пониманіи искусственности и условности дѣленія соціальныхъ явленій на экономическія, юридическія, идеологическія и т. п.

Съ нашей точки зрѣнія — аналогичной точкѣ зрѣнія Гефдинга въ психологіи—классификація соціальныхъ „явленій“ по ихъ содержанію на экономическія, юридическія и интеллектуальныя, —на самомъ дѣлѣ вовсе не классификація *явленій*, а лишь классификація *элементовъ*, изъ которыхъ состоятъ явленія. Разницѣ терминовъ, иными словами, соотвѣтствуетъ не различіе между объектами, а лишь различіе въ тѣхъ *сторонахъ* этихъ объектовъ, которыя открываются намъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Такъ, напр., говоря о „товарномъ производствѣ“ **), какъ объектѣ политической экономіи, мы вовсе не имѣемъ дѣла съ чистымъ

---

*) Мало помогаютъ дѣлу и благоразумныя оговорки, вродѣ слѣдующей: „Соціальная среда не есть первичный факторъ, не поддающійся дальнѣйшему разложенію; соціальная среда, это—тѣ же люди“ (М. Туганъ-Барановскій). „Что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей?“ (Н. Бельтовъ). Еще характернѣе оговорки г. Струве, приведенныя нами въ предыдущей главѣ и разрушающія всю стройность его теоріи.

**) Я нарочно беру этотъ примѣръ, такъ какъ его мы видѣли и у П. Струве.

кристалломъ „экономической субстанціи“, не заключающимъ въ себѣ никакихъ постороннихъ примѣсей; ни грана юридическаго, правового и ни грана психологическаго элемента. Вовсе нѣтъ. Товарное производство, какъ говоритъ и г. П. Струве, подразумѣваетъ существованіе буржуазной собственности и связанныхъ съ нимъ юридическихъ институтовъ—наслѣдованія, купли-продажи и т. п. Товарное производство совершается въ рамкахъ этихъ юридическихъ установленій и безъ нихъ немыслимо. Кромѣ того, товарное производство подразумѣваетъ и цѣлый рядъ явленій соціальной психологіи—индивидуализмъ, всепоглащающее соперничество при обмѣнѣ и т. п. И эти юридическія установленія, и эти явленія соціальной психологіи представляютъ собою вовсе не результатъ, а именно единое и нераздѣльное цѣлое съ товарнымъ производствомъ. Они взаимно другъ друга подразумѣваютъ и обусловливаютъ.

Такимъ образомъ, самостоятельно и независимо существуетъ не „товарное производство“ an und für sich, и не институтъ частной собственности съ ея обычными аксессуарами, и не мелко-буржуазный индивидуализмъ—существуетъ опредѣленное соціальное состояніе, въ которомъ нераздѣленно слито и то, и другое и третье.

Отсюда слѣдуетъ, что употребленіе термина „товарное производство“ въ качествѣ чисто экономическаго основано просто на абстрагированіи отъ психологической и формально-юридической стороны даннаго реальнаго общественнаго состоянія или явленія. Не упуская изъ виду этого состоянія въ его цѣломъ, мы имѣемъ полное право въ виду той или другой спеціальной цѣли временно отвлекать свое вниманіе отъ всѣхъ другихъ его сторонъ, за исключеніемъ одной. Но ни на минуту не слѣдуетъ забывать объ условности этого пріема, имѣющаго исключительно методологическій характеръ.

Мы обращаемъ вниманіе то на формальную сторону отношеній между людьми—и тогда имѣемъ то, что называется совокупностью правовыхъ нормъ или юридическимъ строемъ: то на объективно-реальную—и тогда имѣемъ производство, обмѣнъ, распредѣленіе матеріальныхъ продуктовъ, словомъ, матеріальную культуру общества; то, наконецъ, на внутреннюю, субъективную сторону и тогда имѣемъ состояніе образованности, умственное общеніе, литературу, нравственный уровень общества—словомъ, соціальную идеологію и психологію. Такимъ образомъ, съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія *) открывается намъ три стороны соціальнаго развитія: формальная или нормативная, объективно-реальная или матеріальная, субъективная или психологическая.

Эта точка зрѣнія имѣетъ кое-что общее съ точкой зрѣнія Гефдинга въ психологіи еще и въ другомъ отношеніи. Гефдингъ, какъ

*) Также формулируетъ Л. Уордъ въ своей „ Динамической соціологіи“ основное положеніе психологическаго монизма (т. I, гл. V, подъ-отдѣлъ „ Явленія психологіи“); „Чувство можетъ быть опредѣлено, какъ субъективная сторона духа, а интеллектъ—какъ объективная. И, однако, обѣ эти стороны духа совсѣмъ не независимы, онѣ составляютъ просто *двѣ точки зрѣнія*, съ которыхъ смотрятъ на явленія“.

мы видѣли, замѣчаетъ, что тройственность элементовъ сознанія годится лишь для характеристики высшихъ ступеней развитія психической жизни; но мы не имѣемъ никакого права предполагать, чтобы три различныхъ рода элементовъ столь-же отчетливо выступали на низшихъ ступеняхъ. По общему закону развитія неопредѣленное и однородное предшествуетъ опредѣленному и разнородному. То же и въ соціологіи. Если на высшихъ ступеняхъ соціальной жизни ея формально-юридическая, матеріальная и психологическая сторона довольно рѣзко и отчетливо дифференцируются, то вовсе нельзя замѣтить того-же самаго въ эпохи болѣе примитивнаго состоянія общественныхъ отношеній. Возьмемъ для примѣра *обычное право*. Въ чемъ отличіе обычнаго права отъ формальнаго? Да въ томъ, что обычное право еще не обособилось отъ общепринятой *морали* и даже отъ простого обычая, традиціоннаго *быта*, еще не пріобрѣло своей особой, спеціальной формы выраженія. Реальныя, фактическія отношенія, сохраняемыя обычаемъ, господствующія этическія понятія или правосознаніе и соціальныя нормы поведенія, обладающія внѣшней обязательной силой, — еще совпадаютъ. Только впослѣдствіи право вырастаетъ въ цѣлую систему законовъ и учрежденій, экономическія отношенія—въ сложный строй производства, обмѣна, торговли, кредита, распредѣленія, а психическое взаимодѣйствіе членовъ общества — въ искусство, литературу и науку. Однако же, какъ опять-таки справедливо замѣчаетъ Гефдингъ—„дифференцированіе предполагаетъ лишь *преобладаніе* различныхъ элементовъ въ различныхъ состояніяхъ, а не полное *разъединеніе* ихъ“. И вотъ потому г. Струве имѣетъ право сказать—хотя и не безъ натяжки, не безъ преувеличенія—что „товарное производство есть столько же психологическое, сколько экономическое понятіе“.

Выясненіе условнаго, чисто методологическаго характера расчлененія единаго соціальнаго процесса путемъ абстракціи, конечно, есть прежде всего чисто-отрицательная работа. Она еще не даетъ ключа къ разгадкѣ механизма историческаго процесса—она лишь предостерегаетъ отъ уклоненій съ надлежащаго пути къ этой разгадкѣ. Ея методологическое значеніе, слѣдовательно, весьма существенно.

Если мы признали, что соціальный процессъ развитія представляетъ собою нѣкоторое высшее единство, и что „всѣ его элементы находятся въ тѣснѣйшей между собою связи, другъ друга обусловливая“, то непосредственно отсюда вытекаетъ и практическій выводъ (въ русской литературѣ провозглашенный ровно тридцать лѣтъ назадъ): „если мы ухватимся за одинъ какой-нибудь соціальный элементъ, почему-либо бросившійся намъ въ глаза, и по движенію этой части будемъ судить о развитіи цѣлаго, то вся исторія естественно окрасится для насъ одностороннимъ и ложнымъ цвѣтомъ“; мало того, „мы неизбѣжно извратимъ и частную исторію этого самаго элемента“. „Такъ что въ этомъ случаѣ намъ представляется дилемма: или полное и всестороннее уясненіе, или никакого (это, по нашему мнѣнію, сказано черезчуръ сильно) уясненія даже развитія частнаго

факта". Поэтому „мы ищемъ не исторіи войны, торговли, экономическихъ отношеній, вѣрованій, нравственныхъ, эстетическихъ идеаловъ и т. п. Мы ищемъ *законовъ, управляющихъ единовременнымъ движеніемъ всѣхъ этихъ элементовъ*". (Н. К. Михайловскій. „Что такое прогрессъ").

В. Черновъ.

К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. **10** коп.
В. Черновъ. Изъ практики соціалистическаго движенія. **10** к.
П. Николаевъ. Личныя воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ. **15** коп.
И. Вольный. На военной службѣ. **8** коп.
Танъ. Дни свободы.
Рубакинъ. Воля Аллаха.

Книгоиздательство „МОЛОДАЯ РОССІЯ".

К. Качоровскій. Народное право. 90 к.

Серія подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

А. Рудинъ. На ту же тему. **20** коп.
Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго соціализма. **10** к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба въ странѣ всеторжествующаго капитализма. **10** к.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. **7** к.
В. Черновъ Къ теоріи классовой борьбы. **10** к.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. **10** к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. **25** к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопр. съ прав. точки зрѣнія. **20** к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. **10** к.
Амари. Стихотворенія.
П. Поливановъ. „Кончился". Разск. Съ порт. и біогр. авт. **8** к.
А. Б—ій. Что такое народовластіе. **4** к.
Н. Максимовъ. Праздникъ труда. **3** к.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургск. крѣпости **30** к.

Книгоиздательство Вл. РАСПОПОВА.

А. Ан-скій. Семидесятникъ. Бытовыя сцены въ 1 д. **7** к.
А. Бахъ. Экономическіе очерки. 15 к.
Е. Брешковская. Изъ моихъ воспоминаній. **8** к.
С. Вандервельде. Идеализмъ въ марксизмѣ, съ пред. Гарденина. 7 коп.
Крестьянскіе союзы въ Сициліи. **6** к.
Г. Новоторжскій. Соціализація земли. **7** к.
П. Поливановъ. Алексѣевскій равелинъ. Съ порт. автора **20** к.
Р. Р. Соціализація земли. 5 к.
Н. Чайковскій. Чартизмъ. **20** коп.
В. Черновъ. Къ вопросу о выкупѣ земли. **10** коп.
В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. **25** коп.
Л. Шишко. С. М. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ. **12** к.
Шэфле. Сущность соціализма съ примѣчан. П. Лаврова. **20** к.

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО".

Москва. Б. Бронная, д. Аничкова № 1 кв. 12 Телефонъ № 120-20

И. Гильдебрандъ. Ѳома Мюнцеръ. **20** коп.

В. Черновъ. Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. 2-е изданіе. **12** к.

С. Закъ. Земля и капитализмъ. 2-е изд. **25** к.

Н. Черненовъ. Къ характер. крестьян. хоз.(Распр.). **80** к.

Ф. Бейерлейнъ. Вечерняя зоря. **35** к.

Ф. Гардинсъ. Почему я соціалистъ? **4** к.

Библіотека подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. **20** к.

В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. **25** к.

В Черновъ. Крестьян. и раб., какъ экон. кат. 3-е изд. **15** к.

С. Ан-скій. Крестьянскій вопр. во Франціи. 2-е изд. **7** к.

А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе соціаль-демократы „Деревенской бѣднотѣ". Второе изданіе. **10** коп.

Л. Какъ крестьянамъ дали волю. **4** коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Ж. Ренаръ. Во французской деревнѣ. **1** коп.

С. Закъ. Демократизація земства.

В. Черновъ. Нашимъ обвинит. Пис. бывш. т. Левенсону. **15** к.

Г. Новоторжскій. Земельный вопросъ въ Россіи.

Б. Баксъ и Г. Квельчъ. Соціалистическій катехизисъ, съ приложеніемъ статьи **Е. Лазарева**—Аграр. катех.

В. Порфирьевъ. Смутное время.

С. Закъ. Соціализмъ и аграрный вопросъ.

Ш. Ристъ. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи.

Л. Бертранъ. Исторія демократіи и соціализма въ Бельгіи съ 1830—1905 г.

В. П. Разстрига.

В. П. Это было.

Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ.

Абрамова. О соціаль-демократахъ и соціал.-революц.

Батинъ (Шишко). Очерки по вопросамъ экономики и исторіи.

К. Качоровскій. Русская община т. 1-й, 2-е дополненное изданіе. (Подписка прекращена).

Протоколы 2-го съѣзда Всероссійскаго крестьян. союза.

Заказы и денежные переводы просятъ направлять по адресу: **Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, кв. №12. „Нов. Товарищество" Н. П. Высоцкой.**

УСЛОВІЯ: Выписывающіе на сумму не менѣе 3 руб. (просятъ высылать деньги впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

На заказы до 50 коп., присчитывать 10 коп. на заказную бандероль. Земскіе и частные книжные магазины пользуются обычной скидкой. При заказахъ на сумму не менѣе 25 руб. (въ предѣл. Европейск. Рос.) по жел. дор. пересыл. приним. за счетъ издательства.

Отдѣленія склада: **С.-Петербургъ**, Книжный магазинъ „Школьное Дѣло", Невскій, 42. **Москва**, Книжный магазинъ „Трудъ", **Тверская. Курскъ**, Книжный магазинъ „Народная польза", Сапуновой. **Нижній-Новгородъ**, Книжный магаз. „Новь", Осыпная, 14. **Смоленскъ**, Книжный магазинъ „Молодая Россія".